

Его волосы были растрепаны, на нём была только белая нижняя одежда, а на ногах не было обуви, лишь белые носки. Впрочем, обувь была слишком яркой, и Е Чанлин, прежде чем войти, избавился от неё, выбросив.

Шаг за шагом он приближался к гробу, направляясь к месту, где стоял Е Чанъюй. Все присутствующие были ошеломлены его появлением, особенно сам Е Чанъюй, который застыл на месте, не понимая, почему его младший брат, всегда считавшийся слабым и беспомощным, сегодня выглядит так странно.

Подойдя к своему сводному брату, занявшему его место, Е Чанлин хотел было просто оттолкнуть этого недалёкого человека — он замёрз и был в крайне плохом настроении, к тому же тот оказался бестактным и не заметил, что Е Чанлин дрожит от холода.

Однако, учитывая, что это всё же его старший брат, он лишь легонько похлопал его по плечу.

— Пожалуйста, освободите место.

Услышав это, Е Чанъюй на мгновение опешил, но быстро уступил место, и в этот момент все присутствующие невольно вздохнули с облегчением. Затем они осмотрели одежду Е Чанлина и поняли: он не сумасшедший. Быть укушенным или пнутым безумцем было бы слишком невыгодно, ведь они всего лишь пришли на похороны.

Тут же отец Е Чанлина, граф Чаншунь, опомнился и, указав на сына, начал кричать:

— Негодник! Что за наряд? Это похороны твоей матери! Немедленно уйди и переоденься!

Внезапно оказавшись под огнём упрёков, Е Чанлин, который только начал согреваться, тоже был не в лучшем настроении. Однако, учитывая, что это его отец, он смиренно ответил, хотя тон его голоса был далёк от покорного:

— Отец, — начал он, мысленно ругаясь, — видимо, из-за смерти матери в доме царит хаос, и никто не подготовил для меня траурную одежду. Я хотел увидеть мать, но служанки и слуги не пускали меня, поэтому мне пришлось прийти в таком виде.

Ранее Мэйсян сообщила ему, что наложница Хуа распространила слух, будто господин согласился записать Е Чанъюя в качестве сына покойной госпожи Е из клана Ян. Это означало, что не только приданое госпожи Е будет разделено пополам с Е Чанъюем, но и что он, будучи старшим сыном от наложницы, станет законным наследником.

Е Чанлин считал, что столь глупое решение могло быть лишь результатом слухов среди слуг, но, учитывая, что речь шла о наследстве, он решил намекнуть своему отцу, опасаясь, что его могут отравить.

После слов Е Чанлина лицо старой госпожи и наложницы Хуа, матери Е Чанъюя, стало ещё мрачнее.

— Негодник! Что за бред ты несёшь? Немедленно уведите его! — крикнул граф Чаншунь, хмурясь.

Это что за отец?

Сцена стала неловкой.

В основном для Е Чанлина.

Е Чанлин хотел продолжить объяснения, но отец резко оборвал его, и в этот момент к графу подошла изящная женщина в траурной одежде.

— Господин, Чанлин просто опечален смертью сестры и временно потерял рассудок.

Видимо, это была любимая наложница графа, мать Е Чанъюя, наложница Хуа. Она вытерла слёзы:

— Бедный ребёнок, сестра, если бы она увидела тебя в таком состоянии, наверняка бы сильно огорчилась. Немедленно отведите его обратно...

Слова звучали правильно, но почему-то вызывали странное чувство. Е Чанлина схватили два слуги, а он смотрел на эту плачущую женщину. Старая госпожа лишь приподняла веки, но, учитывая, что это была её племянница, ничего не сказала, хотя это и было нарушением правил.

Однако с этого дня Е Чанлин официально стал считаться сумасшедшим. Гости и слуги, понявшие, что происходит, молчали, притворяясь, что ничего не знают, но они понимали, что с этого дня в доме графа Чаншуня начнутся перемены. Те, кто был доброжелателен, смотрели на Е Чанлина с сочувствием и жалостью.

Сам Е Чанлин, не понимая, что его считают сумасшедшим, был в растерянности, но знал, что должен что-то сказать. Однако его воспитание не позволяло ему спорить с женщиной старше себя, и он упустил момент.

Увидев, как наложница Хуа успокаивает Е Чанлина, граф Чаншунь разозлился ещё больше и, указывая на сына, крикнул:

— Немедленно заткните ему рот и уведите обратно! — Он раздражённо махнул рукавом. — Ни на что не годный!

Из-за сцены, устроенной Е Чанлином на глазах у гостей, граф Чаншунь, чувствуя себя униженным, полностью отбросил чувство вины, которое испытывал после смерти матери Е Чанлина. Взгляд его упал на Е Чанъюя, стоявшего на месте сына, и он почувствовал некоторое утешение.

Е Чанлина схватили слуги, которые с невероятной быстротой заткнули ему рот куском ткани, что его крайне удивило. К счастью, слуги всё же учитывали его статус и использовали чистый шелк, а не вонючий носок, иначе... Е Чанлин пока не знал, как бы он справился с этим. Его тело было слишком слабым, и даже борьба с одной служанкой требовала от него хитрости. Теперь же, схваченный двумя слугами, он не мог сопротивляться.

Слуги потащили Е Чанлина к выходу. Он попытался сопротивляться, но, поняв, что это бесполезно, сдался. Однако больше всего его беспокоила погода на улице. В таком слабом состоянии он мог легко заболеть, а в древнем обществе даже простуда могла стать смертельной.

Он действительно дорожил своей жизнью, но никто не слышал его мыслей.

Когда Е Чанлина уже тащили к двери, слуга вбежал в зал и что-то шепнул старому управляющему. Тот, выслушав, побледнел и сразу же подошёл к графу Чаншуню, который, услышав новость, быстро произнёс:

— Немедленно пригласите их внутрь.

Следом за его словами раздался искусственно сдавленный голос:

— Я самовольно пришёл. — Сопровождаемый снежной метелью, в зал вошла группа людей в одеждах евнухов. Во главе шёл мужчина лет сорока, который, проходя мимо Е Чанлина, внимательно на него посмотрел.

Граф Чаншунь и старая госпожа тут же засуетились. Е Чанлин понимал, почему они так себя вели: одежда этого евнуха указывала на его высокий статус — он был главным евнухом Приказа церемоний. Если его знания ещё актуальны, то главный евнух Приказа церемоний обычно был близким доверенным лицом императора.

Судя по тому, как граф Чаншунь и другие обращались к нему, евнуха звали Лю. Граф Чаншунь был слегка смущён, а старая госпожа попыталась завязать с ним разговор, но главный евнух вежливо отказался.

— Не смею задерживать, я здесь по поручению Его Величества. — Евнух Лю подал знак своему помощнику, который тут же подал императорский указ.

Е Чанлин подумал: «На самом деле, это „наш дом“, а не „я“...»

Впрочем, учитывая диалект, небольшой акцент был нормальным.

— По воле Неба, по указу императора. Слышав о сыне графа Чаншуня, Е Чанлине... — начал читать указ евнух Лю.

В тот же момент все в зале опустились на колени.

Е Чанлин, стоявший на коленях, подумал: «...»

Разве не должно быть «По воле Неба, император повелевает»?

И, кажется, этот формат указа появился при династии Мин...

Система экзаменов кэцзюй существовала... значит, это время после династии Цзинь.

Кэцзюй — это хорошо, аристократические семьи уже не так сильны.

Эпоха, похожая на Мин, тоже неплоха, он немного интересовался этим периодом, так что не будет полностью в неведении.

И, по крайней мере, не придётся пользоваться деревянными палочками для туалета.

Хотя он интересовался династией Хань... в основном эпохой Троецарствия, но деревянные палочки для туалета звучали не слишком привлекательно.

Подождите... это указ о свадьбе?

Чей? Пятого принца Чу Чэньяо? И с кем? С сыном графа Чаншуня, Е Чанлином?

Осознав это, Е Чанлин застыл на месте с выражением лица, будто его ударило молнией.

Он не был настолько наивен, чтобы думать, что пятый принц Чу Чэньяо мог быть принцессой.

Потому что он хорошо знал эту историю.

Теперь он понял, почему, услышав имена граф Чаншунь и наложница Хуа, его не покидало чувство тревоги.

Он попал в книгу.

<http://bllate.org/book/15199/1341688>